

УДК 81'37

ББК 81-3

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/6-12>

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТАКТ И СЛОЖНЫЕ СЛОВА

А. А. Кретов, А. Б. Пешкова

Воронежский государственный университет

COMMUNICATIVE TACT AND COMPOUND WORDS

A. A. Kretov, A. B. Peshkova

Voronezh State University

Аннотация: данная статья посвящена анализу перехода от одного вида мышления к другому у говорящего и слушающего в процессе общения, переосмыслению терминов, используемых для описания коммуникации (речевой акт, коммуникативный такт), а также рассмотрению реализации коммуникативного такта в индийской и европейской классификациях сложных слов санскрита. Деятельность говорящего состоит из трех процессов: 1) **языковление** – линейаризация информации при переходе от наглядно-образного мышления к вербальному как последовательностям языковых означаемых; 2) **кодирование** – переход от означаемых к означающим; 3) **опредмечивание** означающих – это переход от **глубинных структур** языка (инвариантов означающих) к **поверхностным** – реальным проявлениям, т. е. звукам и просодическим характеристикам речи (вариантам). На основании этих этапов выстраивается триада: языковление – кодирование – опредмечивание. Деятельность слушающего включает те же процессы в обратной последовательности: **распредмечивание** (переход от внешних означающих к внутренним) – **декодирование** (переход от означающих к означаемым) – **разъязыковление** (переход от вербального представления информации к образному). Действия говорящего и слушающего в процессе общения составляют **коммуникативный такт**, который предпочтительнее использовать в широком смысле вместо термина **речевой акт**. Коммуникативный такт состоит из двух долей: сильной, включающей действия говорящего, примером реализации которых являются сложные слова санскрита, и слабой – действия слушающего по их восприятию и осмыслению. Классификации этих единиц строятся на двух подходах: индийском и европейском. Индийская классификация основана на грамматике говорящего и описывает сильную долю такта, а европейская – на грамматике слушающего и описывает слабую долю такта. Эти две концепции можно синтезировать, основываясь на том, что, во-первых, в них представлены классификации одних и тех же языковых единиц, во-вторых, они строятся на одинаковых основаниях (онтологическом, гносеологическом и функциональном), и в-третьих, описывают один и тот же процесс – коммуникативный такт.

Ключевые слова: языковление, кодирование, опредмечивание, разъязыковление, декодирование, распредмечивание, коммуникативный такт, сложные слова.

Abstract: this article is devoted to the analysis of the transition from one way of thinking to the other by the speaker and by the listener in the communication process, reinterpretation of the terms used for the description of the communication (speech act, communicative tact), and also to the consideration of the communicative tact realization in Indian and European classifications of Sanskrit compounds. The speaker's activity consists of three processes; 1) **languageing** – linearization of information with a transition from eye-mindedness to verbal thinking as sequences of language significata; 2) **coding** – is a transition from significata to signifiers; 3) **objectification of signifiers** – is a transition from **language remote structures** (invariants of signifiers) to **surface** – real manifestations, i.e. sounds and prosodic characteristics of speech (variants). The other side of communication is a listener who performs the same actions as a speaker, but in reverse order, that's why the following trinary can be

© Кретов А. А., Пешкова А. Б., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

drawn up for him: deobjectification (transition from speech units, signifiers to language units) – decoding (transition from signifiers to significata) – delanguaging (from significata to concepts). The speaker's and the listener's actions in the communication process make up the communicative act, which is more preferable to use in a wider meaning instead of the term speech act. Communicative tact consists of two beats: downbeat which includes the speaker's actions and unaccepted (weak) beat – the listener's actions, the example of the realization of which are Sanskrit compounds. Classifications of these units are based on two approaches: Indian and European. The first classification is founded on the speaker's grammar and describes the downbeat of the tact, the second on – on the listener's grammar and describes the weak beat of the tact. These two conceptions can be synthesized on the basis of the facts that, firstly, they represent classifications of one and the same language units, secondly, they are built on the same principles (ontological, gnoseological and functional) and, thirdly, they describe the same phenomenon – communicative tact.

Key words: languaging, coding, objectification, delanguaging, decoding, deobjectification, communicative tact, compounds.

Введение

Известно, что основным процессом отражения действительности, высшей формой творческой активности человека является мышление. В философии [1, с. 390–392] и психологии [2, с. 200–203, 206; 3, с. 224–225] традиционно выделяют следующие виды мышления.

1. Практически-действенное мышление является и исторически, и онтогенетически самым ранним видом мышления человека и характеризуется неразрывной связью мыслительных процессов с практическими действиями, преобразующими изучаемый предмет, а также необходимостью решать поставленную задачу с участием практических действий.

2. Наглядно-образное мышление связано с решением мыслительных задач в результате внутренних действий с образами (представлениями), которые выступают в качестве заместителей реальных объектов. Например, этот вид мышления можно наблюдать при анализе, сравнении, в случае необходимости нарисовать предмет, изобразить его схематически или в виде символа, обобщить разные объекты, события и явления.

3. Словесно-логическое мышление свойственно только человеку и характеризуется использованием суждений и умозаключений в словесной форме. Именно этот вид мышления позволяет устанавливать общие закономерности, определяющие развитие природы и общества, самого человека. Мышление в его словесно-логическом виде проявляется в языке.

Практически-действенное мышление не имеет отношения к рассматриваемой теме, поскольку оно не связано с языком. Два других вида (наглядно-образное и словесно-логическое) особенно важны, поскольку переход от одного к другому связан со множеством лингвистических проблем и имеет кардинальное значение, теоретическое и практическое.

Целью данной статьи является анализ перехода от одного вида мышления к другому у говорящего и слушающего в процессе общения, переосмысление и упорядочивание некоторых терминов, используе-

мых для описания коммуникации (речевой акт, коммуникативный такт), а также рассмотрение реализации сильной и слабой долей коммуникативного такта в индийской и европейской классификациях сложных слов санскрита.

В ходе исследования использовались следующие **методы**: описательно-аналитический метод, направленный на выявление различных связей и отношений между действиями говорящего и слушающего в процессе общения, методы смысловой интерпретации, классификации, обобщения, систематизации, а также дефиниционный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Основной функцией языка (Н. И. Жинкин, Р. В. Пазухин, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников и др.) является коммуникативная, т. е. общение, передача информации от говорящего к слушающему, которая выполняется только после восприятия и понимания информации/текста слушающим/читателем. А для этого необходимо не только единство языка у говорящего и слушающего. Язык (как знаковая система – код) должен функционировать в двух различных режимах: опредмечивания мысли (в текст, доступный слушающему) и распредмечивания текста (в мысли и чувства слушающего). Эта идея высказывалась А. А. Потебней, Л. С. Выготским, И. А. Мельчуком, а также многими представителями российской психолингвистики вообще и Московской психолингвистической школы в частности. И. А. Мельчук [4, с. 9] в своей теории «Смысл ↔ Текст» рассматривает естественный язык как «логическое устройство, обеспечивающее переход от смысла, который хочет передать говорящий, к тексту, который служит носителем смысла. Этот процесс происходит в обоих направлениях – от смысла к тексту со стороны говорящего и в обратном направлении, когда речь идет о слушателе».

В общении участвуют говорящий (активная роль), слушающий (пассивная роль) и текст, созданный говорящим.

Говорящий, создавая какое-то сообщение, начинает с содержания, переходит от содержания к форме этого сообщения или создаваемого текста. Любой текст – это форма, которую порождает говорящий, но не для себя, а для слушающего. Это форма того содержания, которое он хочет передать слушающему, но непосредственно содержание передать не может, поэтому для такого содержания необходимо создать форму с помощью языка. Говорящий передает форму, а не содержание, содержанием ее наполняет слушающий. А. А. Потемня [5, с. 30–40]) писал, что люди общаются намеками, с помощью языка говорящий посылает систему намеков, а по этим намекам, формам слушающий создает полную картину, которую облекает своим жизненным опытом, мыслями и чувствами.

Слушающий, наоборот, с помощью этого же языка переходит от данной ему формы к содержанию. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ [6, с. 50–60] писал, что слушающий делает то же самое, что и говорящий, только в обратном порядке. Ему не важно, в каком виде дан текст (устном – звуки или письменном – знаки), поскольку ему важна форма, с которой он начинает и потом переходит к содержанию.

В первом случае язык работает как кодировщик содержания, который кодирует содержание формой (звуками или знаками), а во втором случае язык работает как декодер, который переходит от формы к содержанию, но это уже будет другое содержание – *содержание'*, основанное на знаниях, мыслях слушающего, которыми он наполняет переданные ему формы. Так происходит общение [7, с. 16].

Содержание – это концепты, целостные нелинейные многомерные кванты разъязыковленного мышления/содержания. Концепты принципиально неструктурированы, неязыковлены, и благодаря этому возможен перевод с одного языка на другой. Еще Н. И. Жинкин [8, с. 150] утверждал, что «человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковыми свойствами. Единицы этого кода – образы, которые составляют иерархическую структуру» [9, с. 104]. Вся информация хранится в форме образов, это образное мышление, которое осуществляется в единицах универсально-предметного кода (т. е. образах). Наглядно-образное мышление характеризуется анализом, синтезом, обобщением и символизацией, т. е. фактически – знаковостью. Поскольку образная мысль осуществляется в единицах УПК, то она невербальна, не привязана к языку. Переводят не с языка на язык, не форму формой, а содержание, смыслы, сочетание смыслов, поэтому при переводе надо от национальной формы перейти к содержанию. Чтобы понять содержание, необходимо все наше знание, хранящееся в памяти в разъязыковленной (освобожденной от языковой оболочки,

архивированной) форме, облечь в новую национальную языковую форму. Переводчик занимается вторичным оязыковлением того содержания, которое он сам извлек из текста, поэтому переводы могут быть разные, так как понимание одного и того же текста может быть разным.

Чтобы говорящий смог передать слушающему концепт (неязыковленное содержание), ему это содержание нужно оязыковать, т. е. перейти от образного мышления к вербальному, словесному. Впоследствии в американской лингвистике единицы УПК стали называть концептами [10, с. 90] – единицами разъязыковленного содержания.

Оязыковление представляет переход от наглядно-образного мышления к вербальному, конкретному, языковому, состоящему из процессов семантизации, грамматикализации и фонетического оформления высказывания – в переходе [11, с. 47–50] от глубинных (языковых) фонетических структур – фонем, к поверхностным, речевым – фонам.

Процесс **оязыковления** – это процесс перехода от целостных многомерных концептов (квантов смысла, записанных в *универсальном предметном коде* по Н. И. Жинкину) к означаемым языковых знаков. Оязыковление (т. е. обличение содержания в формы) значит формулировка концептов в формах языкового содержания, означающих, семем – структурированных квантов значения. Л. С. Выготский [12, с. 250] писал: «Мысль – это туча, которая проливается дождем слов». Речь идет о концепте, единице УПК, единице наглядно-образного мышления и ее вербализации, представлении в пространственно-временной последовательности.

Кроме того, оязыковление требует представления информации об образе в виде линейных дискретных языковых последовательностей. Еще Ф. де Соссюр [13, с. 70] писал о линейности языкового знака и речи, что позволяет говорить о линейности вербального мышления. У говорящего есть целостный единый образ, который нужно описать, т. е. линейно расположить всю информацию о нем так, чтобы слушающий мог воссоздать представленный ему образ. Для этого у говорящего и слушающего должен быть одинаковый код, т. е. оязыковление – линеаризация информации, представление концепта в виде последовательности, т. е. превращение симультанного в сукцессивное.

Как говорил Л. С. Выготский [12, с. 40], «мысль – симультанна, речь – сукцессивна», т. е. последовательна, линейна.

Таким образом, **оязыковление** – линеаризация информации при переходе от наглядно-образного мышления к вербальному.

После оязыковления (перехода от неструктурированных концептов к языковым смыслам, означае-

мым (по Соссюру), единицам плана содержания (по Ельмслеву), наступает **кодирование** – переход от означаемых к означающим. Ф. де Соссюр [13, с. 56] писал, что и означающее, и означаемое (т. е. и план выражения, и план содержания) одинаково психичны, т. е. план выражения – это образ знака, который хранится у нас в памяти и который жестко связан с планом содержания. Языковой знак – это единство содержания и выражения.

После кодирования наступает следующий этап – **опредмечивание означающих**. Это переход от акустических образов речевых знаков (фонов, морфов, словоформ), психических образов, представлений о звучании к реальным звукам. Опредметить значит озвучить, перейти к тексту.

Именно язык позволяет переходить от концептов к содержанию и форме и опредмечивать, т. е. выносить этот образ формы вовне. Текст – это одна форма, мы передаем не знак целиком, а только форму, означающее, план выражения, поэтому в тексте нет ни значения, ни смыслов. Воспринимая текст, мы наполняем его значением. Если текст никто не воспринимает, то он существует сам по себе (например, глиняные таблички могут лежать в земле тысячи лет, их никто не читает, но форма остается неизменной).

Опредмечивание означающих – это переход от *глубинных структур* языка (инвариантов означающих) к *поверхностным* – реальным проявлениям, т. е. звукам и просодическим характеристикам речи (вариантам). Н. Хомский [11, с. 60–65] говорил о существовании глубинных, универсальных структур, заложенных в сознании человека и представляющих собой языковую компетенцию. На поверхностном уровне находятся порождаемые с помощью преобразований поверхностные структуры, т. е. речь.

Таким образом, работа говорящего состоит в трех переходах: 1) от наглядно-образного мышления (концептов) к вербальному (языковым означаемым) – **оязыковление**, линеаризация концептов; 2) от означаемых к означающим – **кодирование**; 3) от *глубинных структур* языка (инвариантов означающих) к *поверхностным* – **опредмечивание** означающих.

Рассмотрим действия слушающего. Он получает чистую форму, которую должен сначала **сегментировать**, расчленив на знаковые отрезки, узнать в них образы означающих (единиц плана выражения), отождествить с теми, которые хранятся в памяти, и перейти от выражения к языковому содержанию с помощью языка, но язык должен быть один и тот же. Если языки разные, то понимание невозможно. Это процесс **распредмечивания** звучащей речи, который состоит в переходе от реальных звуков к акустическим образам означающих.

Распредмечивание – это переход от *поверхностных структур* языка (звуков и просодических харак-

теристик речи – вариантов) к *глубинным* (инвариантам означающих).

После распредмечивания происходит **декодирование** – переход от означающих к означаемым.

Говорящий пересылает слушающему не только пустые формы, которые он заполняет своим содержанием, но еще и анализирует целостный объект, расчленяет его на свойства, признаки, характеристики, а слушающий должен осуществить синтез, перейти от линейности к образности, синтезировать этот образ.

После перехода к языковым содержаниям слушающему нужно соотнести новые полученные знания с известными, вписать их в круг уже имеющихся, установить взаимосвязи с тем, что известно о мире. Для этого нужно разъязыковать означающие и запомнить, а в памяти хранятся концепты. **Разъязыковление** – это переход от вербальной формы мышления к наглядно-образной, от множества означаемых языковых знаков, их линейных последовательностей к целостным концептам, т. е. единицам универсально-предметного кода, хранящимся в долговременной (не оперативной!) памяти.

Таким образом, разъязыковление – это переход от означаемых к концептам, элементам образного языка, из которых и складывается целостный, единый образ.

Итак, слушающий повторяет тот же путь, что и говорящий, но в обратном порядке: 1) **распредмечивание** – переход от реальных звуков к акустическим образам означающих; 2) **декодирование** – от означающих к означаемым; 3) разъязыковление – от вербального мышления к наглядно-образному, от означаемых к концептам, образующим целостный образ.

А. А. Кретов [7, с. 19] отмечает, что необходимо различать **активную языковую деятельность**, связанную с **кодированием** (переходом от означаемых языковых знаков к означающим – у говорящего) и **пассивную языковую деятельность**, связанную с **декодированием** (переходом от означающих языковых знаков к означаемым – у слушающего), а также **активную речевую деятельность (опредмечивание)**, связанную с переходом от означающих языковых знаков (фоном, морфем и т. д.) к речевым знакам (фонам, морфам и т. д. – у говорящего) и **пассивную речевую деятельность (распредмечивание)**, связанную с переходом от речевых единиц (фонов, морфов и т. д. означающих к языковым единицам (фонемам, морфемам и т. д. – у говорящего).

При этом знание языка и умение им пользоваться активно и пассивно соответствует *компетенции* А. Н. Хомского [11, с. 85], а активная (и видимо, пассивная) языковая и речевая деятельности – *исполнению* (переходу от глубинных структур к поверхностным и обратно, а также к переходу от внутренней

речи к внешней и обратно: от результата чужой речи – текста к своей внутренней.

Только цикл разнонаправленных работ – сочетание оязыковлени-опредмечивания мыслей говорящим и распредмечивания – разъязыковлени текста слушающим обеспечивают переход от мыслей говорящего к мыслям слушающего, т. е. реальный обмен информацией через текст – выполнение языком его коммуникативной функции.

Именно поэтому термин Дж. Остина *речевой акт* является, во-первых, однобоким, а во-вторых, дезориентирующим. На основании этого следует отказаться от использования этого термина в широком смысле в пользу термина *коммуникативный такт* в значении ‘минимальная последовательность действий говорящего и слушающего, обеспечивающая обмен информацией’ [7, с. 19].

Коммуникативный такт, как и любой такт, состоит из двух долей: 1) опредмечивание мысли (высказывание) как процесс (речь) и оязыковлени (результат – текст) даны в непосредственном наблюдении – это **сильная** доля; 2) декодирующая деятельность слушающего (распредмечивание-разъязыковлени речи говорящего), не данная в непосредственном наблюдении, составляет **слабую** долю. Коммуникативный такт происходит только, если слушающий воспринимает текст говорящего. Если этого не происходит, то язык не может выполнить своей функции.

Ярким примером реализации сильной и слабой долей коммуникативного такта являются сложные слова санскрита. В санскрите сложных слов гораздо больше, чем простых. В Цифровом корпусе санскрита (2,5 млн примеров) встречается около 198 000 уникальных сложных слов 373 000 раз. Это почти в два раза больше по сравнению с немецким языком, в котором количество сложных слов составляет 5,5–7 % из всего корпуса [14, р. 240; 15, р. 2]. Цифровой корпус санскрита на 75 % состоит из сложных слов, в отличие от немецкого языка, где число сложных слов – 47 % [15, р. 2]; 43 % из 66 000 лемм корпуса санскрита являются составной частью сложных слов по сравнению с 3–4 % в английском языке [16, р. 332]; более 41 % сложных слов санскрита состоят из 3 и более компонентов [17, р. 1–2].

Как указывалось выше, говорящий хочет передать содержание слушающему, которое нужно облечь в форму, и переходит от концептов к языковым смыслам. Говорящий знает правила перехода от смыслов к формам, т. е. правила создания сложных слов, которые представляют собой правила порождения формы. Создание формы является начальным этапом, далее ее нужно правильно употребить в тексте, а для этого необходимо знать правила функционирования. Функция и форма – это те особенности сложных слов, которые должен знать говорящий, чтобы оязыковлять

и порождать их. Слушающий при восприятии сложных слов начинает с формы, затем переходит к функции, от функции к толкованию, содержанию, и это превращается в концепт.

В классификациях сложных слов санскрита можно выделить два подхода: индийский (грамматика Панини, Патанджали, Вопадава) и европейский.

Грамматика Панини написана для говорящего, это правила порождения сложных слов. Индийская традиция от начала до настоящего времени – это традиция грамматики говорящего, в которой представлены правила перехода говорящего к тексту и слушающему.

Панини завершил большой цикл исследований, однако этот ученый едва ли был создателем Восьмикишия от начала до конца, скорее – носителем лингвистической традиции. Все последователи Панини (Патанджали, Вопадава и др.) занимались уточнением, комментированием, объяснением того, что сделал Панини.

Европейские ученые и вся европейская традиция основана на толковании текстов (сначала толкование «Илиады», «Одиссеи» Гомера, затем Библии). Филология, из которой появилась и лингвистика, родилась и развивалась как грамматика слушающего, читающего, воспринимающего. В своих классификациях сложных слов западные ученые используют более дескриптивную, аналитическую терминологию по сравнению с терминами индийских грамматистов.

Представляется целесообразным синтезировать эти два подхода: индийский и европейский. Что дает возможность синтеза? Во-первых, наличие текста в обеих традициях. Во-вторых, индийская и европейская классификации сложных слов строятся на трех основаниях: 1) онтологический подход – анализ формы сложных слов (то, из чего они состоят); 2) гносеологический подход – интерпретирование, осмысление сложных слов, переход от формы к содержанию; 3) функциональный подход – анализ функционирования, правил, как ими пользоваться.

В-третьих, есть коммуникативный такт. Язык функционирует только после реализации двух долей такта, но у Панини описана сильная доля такта (доля говорящего), а европейцы описывают слабую долю такта (долю слушающего).

В-четвертых, есть процесс кодирования означаемых и декодирования означающих – процесс перехода от означаемых к означающим и от означающих к означаемым.

В-пятых, есть процессы оязыковлени, кодирования, опредмечивания, а для слушающего – это процессы сегментации, распредмечивания, декодирования и разъязыковлени. Благодаря тому, что есть разнонаправленные, но сходные части: концепт – план содержания – план выражения и план выражения –

план содержания – концепт, опредмечивание – рас-предмечивание, кодирование – декодирование, оязыковление – разъязыковление, можно создать синтетическую концепцию. Необходимо учитывать, что процесс того, что называется толкованием, анализом, заменой слов, подбором близких по значению слов, – это формализация перехода к содержанию, алгоритм перехода от формы к содержанию, поэтому представляется возможным описывать эти процессы системно. Например, содержание – форма – содержание: содержание – форма – это говорящий, форма – содержание – это слушающий; или форма – функция – форма: от функции к форме переходит говорящий, от формы к функции переходит слушающий.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Общение – двусторонний процесс передачи информации говорящим и ее восприятия слушающим. Деятельность говорящего состоит из трех этапов: 1) **оязыковление**, или линеаризация концептов – переход от наглядно-образного мышления (концептов, целостных нелинейных многомерных квантов разъязыковленного мышления/содержания) к вербальному (языковым означаемым); 2) **кодирование** – переход от означаемых к означателям; 3) **опредмечивание** означателей – от *глубинных структур* языка (инвариантов означателей) к *поверхностным* – реальным проявлениям, т. е. звукам и просодическим характеристикам речи (вариантам). Итак, для говорящего получается триада: оязыковление – кодирование – опредмечивание.

Слушающий выполняет те же действия, что и говорящий, но в обратном порядке: 1) **рапредмечивание** – переход от *поверхностных структур* языка (звуков и просодических характеристик речи – вариантов) к *глубинным* (инвариантам, акустическим образам означателей); 2) **декодирование** – от означателей к означаемым; 3) **разъязыковление** – от вербального мышления к наглядно-образному, от означаемых к концептам, из которых складывается целостный образ. Для слушающего складывается следующая триада: распрепредмечивание – декодирование – разъязыковление.

Рассмотренные выше действия говорящего и слушающего, обеспечивающие обмен информацией, составляют коммуникативный такт, который состоит из двух долей: сильной, включающей действия говорящего (оязыковление, кодирование, опредмечивание) и слабой – действия слушающего (распредмечивание, декодирование, разъязыковление).

Примером реализации сильной и слабой долей коммуникативного такта являются сложные слова санскрита, классификации которых позволяют выделить два подхода: индийский и европейский. Первый

вид классификации основан на грамматике говорящего и описывает сильную долю, а второй – на грамматике слушающего и описывает слабую долю такта. Возможен синтез этих двух концепций, поскольку, во-первых, они классифицируют одни и те же языковые единицы, во-вторых, строятся на одинаковых основаниях; и в-третьих, описывают разные стороны одного и того же процесса (сильную и слабую стороны коммуникативного такта). И самое главное – только в единстве обеспечивают полноту описания коммуникативного такта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спиркин А. Г.* Мышление // *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 390–392.
2. *Психологический словарь* / [под ред. В. В. Давыдова [и др.]]. М. : Педагогика, 1983. 448 с.
3. *Немов Р. С.* Мышление (логические операции, виды) // *Психологический словарь*. М. : Владос, 2007. С. 224–225.
4. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М. : Языки русской культуры, 1999. 345 с.
5. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Собрание трудов. М. : Лабиринт, 1999. 300 с.
6. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. 384 с.; Т. II. 392 с.
7. *Кретов А. А.* Коммуникативный такт и бифункциональная сущность языка как средства общения // *Фундаментальная лингвистика*. 2023. № 1. С. 12–22.
8. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Язык – речь – творчество* : избр. труды. М., 1998. С. 146–162.
9. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. Третье, перераб. и доп. изд. М. : Лабиринт, 2009. 304 с.
10. *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
11. *Хомский А. Н.* Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М. : Изд-во МГУ, 1972. 123 с.
12. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Психологические исследования / комментарии В. С. Библера и И. В. Пешкова. М. : Лабиринт, 1996. 416 с. Сер. «Философия риторики и риторика философии».
13. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой. М. : Прогресс, 1990. 280 с. (Языковеды мира).
14. *Schiller A.* German compound analysis with wfsc // *International Workshop on Finite-State Methods and Natural Language Processing*. Springer ; Berlin ; Heidelberg, 2005. Vol. 4002. Pp. 239–246.
15. *Baroni M., Matiaszek J., Trost H.* Wordform- and class- based prediction of the components of German nominal compounds in an AAC system // *Proceedings of the 19th international conference on Computational linguistics*. Germany, 2002. Vol. 1. Pp. 1–7.

16. Seaghdha O. D., Copestake A. Diarmuid Interpreting compound nouns with kernel methods // *Journal of Natural Language Engineering*. 2013. Vol. 19, № 3. Pp. 331–356.

17. Krishna A. et al. Compound Type Identification in Sanskrit : What Roles do the Corpus and Grammar Play // *Proceedings of the 6th Workshop on South and Southeast Asian Natural Language Processing (December 11–17)*. Osaka, Japan, 2016. Pp. 1–10.

REFERENCES

1. Spirkin A. G. Myshlenie. In: *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar / gl. red. L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev i dr. M.: Sov. Ehnciklopediya*. Pp. 390–392.

2. *Psikhologicheskij slovar*. [pod red. V. V. Davydova, A. V. Zaporozhca, B. F. Lomova i dr.]. M.: Pedagogika, 1983. 448 p.

3. Nemov R. S. Myshlenie (logicheskie operacii, vidy). In: *Psikhologicheskij slovar*. M.: Vlado, 2007. Pp. 224–225.

4. Melchuk I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej “Smysl↔Tekst”. M.: Shkola “Yazyki russoj kultury”, 1999. 345 p.

5. Potebnia A. A. Mysl i yazyk. *Sobranie trudov*. M.: Labirint, 1999. 300 p.

6. Boduehn de Kurteneh I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniju*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. T. I. 384 p.; T. II. 392 p.

7. Kretov A. A. Kommunikativnyj takt i bifunkcionalnaya sushchnost yazyka kak sredstva obshcheniya. In: *Fundamentalnaya lingvistika*. 2023. No. 1. Pp. 12–22.

8. Zhinkin N. I. O kodovykh perekhodakh vo vnutrennej rechj. In: *Yazyk – rech – tvorchestvo: izbr. trudy*. M., 1998. Pp. 146–162.

9. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki. Tretye, pererabotannoe i dopolnennoe izdanie*. M.: Labirint, 2009. 304 p.

10. *Kratkij slovar kognitivnykh terminov*. Pod obshch. red. E. S. Kubryakovoj. M.: Izd-vo MGU, 1996. 245 p.

11. Khomskij A. N. *Myshlenie i rech*. Perevod s angl. B. Yu. Gorodeckogo. M.: Izd-vo MGU, 1972. 123 p.

12. Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech*. *Psikhologicheskije issledovaniya*. Kommentarii V. S. Biblera i I. V. Peshkova. M.: Labirint, 1996. 416 p. Ser. “Filosofiya ritoriki i ritorika filosofii”.

13. Sosyur F. de. *Zametki po obshchej lingvistike*. Per. s fr., obshch. red., vstup. st. i komment. N. A. Slyusarevoj. M.: Progress, 1990. 280 p. (Yazykovedy mira).

14. Schiller A. German compound analysis with wfsc. In: *International Workshop on Finite-State Methods and Natural Language Processing*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2005. Vol. 4002. Pp. 239–246.

15. Baroni M., Matiassek J., Trost H. Wordform- and class- based prediction of the components of German nominal compounds in an AAC system. In: *Proceedings of the 19th international conference on Computational linguistics*. Germany, 2002. Vol. 1. Pp. 1–7.

16. Seaghdha O. D., Copestake A. Diarmuid Interpreting compound nouns with kernel methods. In: *Journal of Natural Language Engineering*. 2013. Vol. 19, No. 3. Pp. 331–356.

17. Krishna A. et al. Compound Type Identification in Sanskrit : What Roles do the Corpus and Grammar Play? In: *Proceedings of the 6th Workshop on South and Southeast Asian Natural Language Processing (December 11–17)*. Osaka, Japan, 2016. Pp. 1–10.

Воронежский государственный университет

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru

Пешкова А. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов

E-mail: peril5@yandex.ru

Поступила в редакцию 20 августа 2023 г.

Принята к публикации 26 сентября 2023 г.

Для цитирования:

Кретов А. А., Пешкова А. Б. Коммуникативный такт и сложные слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/6-12>

Voronezh State University

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kretov@rgph.vsu.ru

Peshkova A. B., Candidate of Philology, Associate Professor of the English for the Humanities Department
E-mail: peril5@yandex.ru

Received: 20 August 2023

Accepted: 26 September 2023

For citation:

Kretov A. A., Peshkova A. B. Communicative tact and compound words. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 4. Pp. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/6-12>